

DOI 10.15826/qr.2018.2.304
УДК 94(470)+94(477)+94(100)"1914/1919"+323.1(09)

СОПЕРНИЧЕСТВО РУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ*

Алексей Миллер

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

COMPETITION BETWEEN RUSSIAN AND UKRAINIAN NATIONALISM BEFORE AND DURING WORLD WAR I – THE HISTORY AND POLICY OF MEMORY**

Alexey Miller

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia

This article analyses the factors and actors that played a decisive role in the competition between the all-Russian and Ukrainian projects of national development between 1906 and 1926. The study concerns the territories quite often referred to as the Western outskirts of the Russian state. It was there that the Russian state faced the first and most serious challenge from the side of Polish nationalism. It was in that region that they started using nationalist tools. This resulted in the emergence of Russian nationalism as an ideological movement, which was to a considerable extent a reaction to the problems of the periphery of the country. It was in this crucible of the Russian-Polish and later Russian-German competition that the Ukrainian, Lithuanian, and Belarusian national projects started to form. The article consists of two parts. The first describes the situation in Ukraine before the war with reference to a few significant sources, while the

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

** *Citation*: Miller, A. (2018). Competition between Russian and Ukrainian Nationalism before and during World War I – the History and Policy of Memory. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 420–437. DOI 10.15826/qr.2018.2.304.

Цитирование: Miller A. Competition between Russian and Ukrainian Nationalism before and during World War I – the History and Policy of Memory // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 420–437. DOI 10.15826/qr.2018.2.304 / Миллер А. Соперничество русского и украинского национализма накануне и во время Первой мировой войны: история и политика памяти // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 420–437. DOI 10.15826/qr.2018.2.304.

second focuses on World War I. The article aims to consider a number of issues that have not been studied previously, especially in contemporary national historical narratives.

Keywords: Russian nationalism; Ukrainian nationalism; national development projects; Russian Empire; Ukraine; World War I; memory policy.

В статье анализируются факторы и акторы, сыгравшие решающую роль в соревновании общерусского и украинского проектов национального строительства с 1906 по 1926 г. Рамки исследования охватывают территории, которые зачастую именуется «западными окраинами» Российского государства. Здесь ему был брошен самый первый и самый мощный вызов – со стороны польского национализма. Именно в этом регионе стали использоваться националистические инструменты в политике российского правительства. По этой причине русский национализм возник как идеологическое течение, в значительной степени в качестве ответа на проблему западных окраин государства. Именно здесь, в тигле русско-польского, а затем и русско-германского соперничества выплывали украинский, литовский и белорусский национальные проекты. Статья состоит из двух разделов. Первая часть, полагаясь на небольшой, но серьезный корпус исследований, представляет ситуацию на территории Украины накануне войны. Вторая посвящена периоду Первой мировой войны. Исследование направлено на решение ряда вопросов, остававшихся в значительной степени не освещенными в научной литературе, особенно в современных национальных исторических нарративах.

Ключевые слова: русский национализм; украинский национализм; проекты национального строительства; Российская империя; Украина; Первая мировая война; политика памяти.

Западные окраины Российской империи служили лабораторией для целого ряда национальных проектов в течение XIX и начала XX в. Именно здесь империи был брошен самый первый и самый мощный вызов – со стороны польского национализма. Именно здесь империя начала использовать националистические инструменты в своей собственной политике, пусть и бессистемно [Miller, 2014, p. 309–368]. Для оценки влияния Первой мировой войны на развитие различных национальных проектов на западных окраинах империи чрезвычайно важно иметь ясное понимание сложившихся в канун войны обстоятельств, что сопряжено с серьезными трудностями, поскольку многие аспекты предвоенной ситуации в этом регионе остаются малоизученными. В историографии существует тенденция преувеличивать силу националистических движений в имперском приграничье.

До 1905 г. украинский, литовский и белорусский национальные проекты в своих целях и методах оставались почти исключительно движениями в сфере культуры. В преддверии Манифеста 17 октября

1905 г. ряд политических партий требовал национальной автономии и даже неофициально поддерживал идеалы федерации. Кандидаты от части этих партий были избраны в Первую и Вторую Государственные думы [Западные окраины]. Тем не менее, всплеск активности националистических партий, наблюдавшийся с 1905 по 1907 г., постепенно ослабевал, частично из-за усиления административного давления и неспособности мобилизовать поддержку масс [Guthier].

Польское влияние на западных территориях сократилось в результате антипольских правительственных мер после январского восстания 1863 г., но было все еще весьма значительным, хотя польским активистам не удалось установить долгосрочное сотрудничество с украинским, белорусским и литовским национальными движениями. После 1907 г. русский национализм активнее всего развивался в Юго-Западном крае. Идея общерусской нации позволила привлечь к движению много малороссов. Поляки, евреи и сторонники украинского национализма, которых в русских националистических кругах Малороссии звали «мазепинцами», в зависимости от обстоятельств становились основным врагом на юго-западных территориях¹. Главная борьба за идентичность в этом регионе шла между русскими националистами (малороссами) и украинцами, которые поддерживали идею отдельной украинской нации [Каппелер, с. 125–144; Котенко, Мартынюк, Миллер, с. 392–443].

Правительственные органы активно поддерживали русских националистов, особенно во время премьерства Петра Столыпина, когда количество националистических организаций неуклонно возрастало. Число членов Союза русского народа на Волыни накануне войны намного превышало 100 тыс., главным образом из-за влияния православного духовенства на крестьян. Крупные русские националистические организации, объединявшие высшие сословия, процветали в Киеве и Одессе. Киевский клуб русских националистов (ККРН), созданный в 1908 г. под патронажем Столыпина, к 1910 г. был уже весьма влиятельным, и его члены выигрывали выборы в Городскую и Государственную думу. Вскоре ККРН стал претендовать на общее лидерство среди русских националистических организаций в империи, ссылаясь, среди прочего, на свои успехи в избирательных кампаниях. Лидер организации А. Савенко еще в 1908 г. писал:

...В то время как великорусские губернии отправили даже и в Третью думу значительное число революционеров, Малороссия посылала в Таврический дворец почти исключительно русских националистов. В то время как великорусские Москва и Санкт-Петербург являются расадниками революции, центр Малороссии Киев – это центр русского патриотического движения [Савенко].

¹ См. опубликованное собрание антиукраинских текстов этого периода: [Украинский сепаратизм в России].

Такая точка зрения считалась вполне оправданной накануне войны. На памятнике Столыпину в Киеве, открытом в 1913 г. перед оперным театром, где он был убит в 1911 г., были выгравированы слова премьер-министра: «Твердо верю, что затеплившийся на Западе России свет русской национальной идеи не погаснет и вскоре озарит всю Россию». В сочетании с жестким административным давлением, осуществляемым правительством, и изменением избирательного законодательства сильное присутствие русских националистов в этом регионе привело к резкому сокращению националистов нерусского толка в Думе².

В течение всего послереволюционного периода, и особенно после 1907 г., конституционным демократам пришлось добиваться поддержки от окраинных националистов в приграничье в их борьбе против русского правого национализма. Одним из аспектов этой тактики была поддержка реорганизации империи по принципу национальной автономии, хотя альянс кадетов и националистов на приграничных территориях не имел идеологической базы. Стороны не могли найти общий язык по вопросу об автономии, а идеи федеративного устройства кадеты поддерживать отказывались.

Тактика, используемая кадетами в Думе, — держать под контролем угрозу радикализации националистических движений на окраинах империи, идя на умеренные уступки — сталкивалась с неослабевающей оппозицией справа. Придерживаясь такой тактики, во время обсуждения украинского вопроса в феврале 1914 г. глава кадетов Павел Миллюков призвал: «Бойтесь Донцова! Если вы будете продолжать вашу политику, Донцовы будут исчисляться не единицами и не десятками, а сотнями, тысячами и миллионами»³. Предводитель ККРН Анатолий Савенко, который был главным правым противником Миллюкова в этих дебатах, предупредил, что украинское движение представляет «большую и реальную опасность для единства России». По вопросу о признании украинцев как отдельной нации, отличной от России, Савенко отметил:

Как только народ признается отдельным, он должен, согласно основной идее столетия, пользоваться правом на самоопределение; он должен обрести свое собственное культурно-национальное и политическое существование.

Он призывал к невмешательству в борьбу правительства против украинского движения и настаивал на корректности малорусской версии идентичности, осуждая украинское движение как раскольни-

---

² История русского правого национализма остается недостаточно изученной, несмотря на несколько недавно опубликованных важных работ [Кириянов; Степанов; Черная сотня]. Особенно это касается истории русского правого национализма на западных окраинах империи и его влияния на массы.

³ Дмитро Донцов в то время был главным идеологом украинского интегрального национализма.

ческое для «одного единого 100-миллионного народа». Далее Савенко подчеркнул, что потеря неправославных *инородческих* окраин империи не столь опасна для России, как раскол русской нации [Государственная дума, IV созыв, сессия 2, ч. 2, стб. 901–915, 927–933]. Правые националисты с радостью приняли в Думу крестьян, критиковавших «украинство» от имени всего малорусского крестьянства, и публично объявили о своей приверженности идее общерусской нации⁴.

Таким образом, перед Первой мировой войной западные окраины империи находились в состоянии неустойчивого равновесия. Местные органы власти не могли реально надеяться «искоренить» антирусских националистов, но и не были готовы к компромиссу. На протяжении нескольких лет до начала конфликта правительство и русские националисты сочетали административное давление с активной пропагандой. В украинской активистской литературе этого периода описывается немедленная, экзистенциальная и неизбежная угроза русификации. Один из ключевых активистов украинского движения в Киеве Евген Чикаленко написал в своем дневнике в 1909 г.: «Города наши так *омосковлены*, что очень, очень малый процент населения вообще проявляет какой-либо интерес к украинству... Все города и местечки на Украине страшно обрусели» [Чикаленко, т. 1, с. 47–48, 281–282]. Он также писал своему соратнику Петру Стебницкому в Санкт-Петербург: «Что теперь можно сделать тысячами, того не сделаешь потом, когда народ обрусееет, и миллионами» [Чикаленко, Стебницкий, с. 72].

Начало войны

Общественные настроения в первый год войны характеризовались ростом имперского патриотизма и русского национализма. Реальные размеры массовой политической мобилизации военно-патриотического типа мало изучены, хотя в нескольких научных работах подчеркивается рост интереса к политике в целом, и в этом контексте – к националистическим чувствам среди сельского и городского населения [Sanborn, 2000, p. 267–289; Sanborn, 2002; Seregny, p. 290–315]. В начале войны русская армия не несла очевидных поражений, поэтому первый год войны показал рост русского национализма.

Война оказала противоречивое воздействие на националистические проекты пограничных территорий. С одной стороны, административное давление резко увеличилось – многие перио-

---

⁴ Григорий А. Андрийчук, представлявший Подолию, заявил: «Всякую украинскую пропаганду мы отвергаем, ибо никогда не считали и не считаем себя нерусскими. И с какой бы хитростью ни старались услужливые гг. Милюковы вселить в нас сознание розни с великороссами, им это не удастся. Мы, малороссы, как и великороссы, суть люди русские» [Государственная дума, III созыв, сессия 3, ч. 1, стб. 3081]. «Мы – русские, и никто не вправе про нас сказать иначе», – подчеркивал другой крестьянский депутат, представитель Волынской губернии Матвей Андрейчук [Государственная дума, III созыв, сессия 4, ч. 1, стб. 1280].

дические издания и местные отделения украинской культурной организации «Просвита» были закрыты, а несколько активистов, в том числе Михаил Грушевский, были отправлены в ссылку, хотя некоторые из них пытались демонстрировать лояльность к империи в надежде избежать репрессий и чтобы получить уступки от правительства в конце войны⁵. С другой стороны, война создала атмосферу опасной неопределенности. Для сепаратистски ориентированных националистов война стала стимулом в создании причудливых планов о месте, соответствующем их нациям в послевоенной реорганизации Европы.

В начале осени 1914 г. Российская армия оккупировала Восточную Галицию, в том числе Львов/Лемберг. Аннексия Галичины была одной из ключевых целей России до войны, особенно для ирредентистов, которые считали включение этого региона в состав империи «воссоединением Красной Руси и России». Русские националисты ожидали, что оккупация Галичины сможет подорвать украинское движение. При изложении целей России в предстоящей войне в 1912 г. П. Струве подчеркнул необходимость «воссоединить и объединить с империей все части русского народа», то есть аннексировать «Русскую Галичину». Ее аннексия была необходима, по его утверждению, для «внутреннего исцеления России, поскольку австрийский повседневный уклад малороссов создал так называемый уродливый “украинский вопрос”» [Струве, с. 65–86].

Ко времени российской оккупации Галичина уже подверглась суровым санкциям австрийского правительства. Более 10 тыс. русинов, которых правительство подозревало в прорусских симпатиях, были депортированы в концентрационный лагерь Талергоф. За время войны более 20 тыс. чел. прошли через лагеря Талергоф и Терезин, ставшие первыми концентрационными лагерями на территории Европы. Несколько тысяч заключенных были казнены [Ваврик]. Одновременно с казнями правительство Австрии занималось созданием первого украинского военного формирования: легион Украинских сечевых стрельцов (Українські Січові Стрільці) принес клятву верности Австро-Венгрии 3 сентября 1914 г. В свою очередь, российские оккупационные власти закрыли все украинские периодические издания. Они также арестовали и депортировали в Россию значительное количество греко-католических священников, в том числе Митрополита Андрея Шептицкого⁶. В общей сложности около 2 тыс. чел. были подвергнуты административной депортации в центральные провинции России⁷.

⁵ В частности, влиятельный лидер польской Национально-демократической партии Роман Дмовский предпочитал лояльность империи как «меньшее зло».

⁶ Во внутренних губерниях депортированные помещались под надзор полиции.

⁷ Точная цифра неизвестна. В докладе князя Георгия Бобринского, главы Русской гражданской администрации в Галиции, указаны 1962 чел., высланных в Россию [Бахтурина, с. 193].

Такой образ действий, который вскоре стал доминировать и в других пострадавших от войны регионах, был совершенно очевидным в Галичине уже в первый год войны — при анализе существующей и потенциальной лояльности имперские структуры рассматривали этническую идентичность как важный, если не важнейший фактор. В ситуации, характеризующейся острой конкуренцией между различными националистическими проектами и одновременным отсутствием устойчивой этнической идентификации, как это было на Украине, имперские власти пытались всеми средствами подорвать влияние «нелояльных» вариантов идентичности и в то же время укрепить те из них, которые считались «лояльными».

Военные неудачи 1915–1916 гг. и их последствия

Западные окраины Российской империи стали основным театром военных действий на Восточном фронте во время Первой мировой войны. После Горлицкого прорыва немецких войск (май 1915 г.) русская армия понесла целый ряд поражений, которые вынудили ее не только покинуть Галичину, оккупированную в 1914 г., но и оставить значительную часть западных окраин империи. Внезапный сдвиг фронта на восток имел важные последствия для развития националистических проектов на этих территориях.

Исследователи отмечают несколько важных факторов, приведших к мобилизации этничности во время войны [Hagen, p. 34–57]. Первым среди них оказался феномен массового перемещения беженцев. Некоторые беженцы эвакуировались самостоятельно, в то время как другие были выселены против их воли. Многие русские националисты, особенно среди малороссов и белорусов, а также русские служащие покинули оккупированные территории, что привело к устойчивому снижению влияния русских националистических организаций. Понятно, что и австро-германские оккупационные власти не давали большую свободу действий русским националистам. В то же время, как показал Питер Гатрелл, влиятельные националистические структуры возникли среди нерусских групп беженцев из Балтии, впоследствии сыгравших важную роль в национальных движениях [Gatrell].

Центральные державы создали новую административную структуру на оккупированных территориях. Сначала украинские территории были главным образом под контролем Австро-Венгрии⁸, хотя эта тема изучена еще явно недостаточно. Благодаря публикации Веяса Люлевичуса больше известно о немецкой оккупационной политике, предполагавшей контроль северо-западных территорий и части Прибалтики, особенно в районе администрирования Ober Ost. Новая

⁸ По сей день глубокого исследования оккупационной политики Вены в этом регионе не существует. В сборнике 2011 г. под редакцией австрийских историков практически ничего на эту тему не предлагается [Die Ukraine zwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft].

администрация провела категоризацию этнической идентичности. Гражданские служащие администрации *Ober Ost* составили «Атлас народов Западной России», по их мнению, подтверждавший, что «государственная структура, которая до войны считалась единой Великой Российской империей, в значительной степени была сформирована из территорий независимых этнических групп, которые находятся не ближе к “природе москвитов”, чем к нам» [Liulevicius, p. 117].

Языковая политика немецких властей была направлена на внедрение словаря административных и правительственных терминов на местном наречии. Школы организовывались по национальному принципу, то есть на основе родного языка. Но вскоре немцы начали внедрять и немецкие термины и язык в целом, тем самым подрывая инициативу местных националистических активистов, открывавших новые школы. Новые законы входили в обиход сразу, как только они публиковались на немецком языке. Русский язык был полностью исключен из административной и общественной сферы.

Немцы стремились подрвать польское влияние на белорусов и литовцев и российское влияние на белорусов. Оккупационные власти весьма удивились, открыв для себя существование белорусского народа; они были поражены невысоким уровнем развития белорусской культуры и национального самосознания, осознав, что это обстоятельство предоставляет им возможность свободно влиять на процесс идентификации местного населения как отдельного и от поляков, и от русских. В 1916 г. Эрих Людендорф (1865–1937) издал специальную директиву для поддержки белорусской национальной идентичности через культурную политику (см. об этом: [Liulevicius, p. 121]). В проекте *Ober Ost* немцы, пытаясь играть роль наставников и руководителей местных народов, разработали школьные учебные программы, которые должны были содействовать уважению Германии и немецкой культуры как «старейшей державы».

Как указывает В. Люевичус, «культурная политика была фактически национальной политикой военного государства; она объединяла национальные культуры в немецких учреждениях по спущенным сверху параметрам: пресса, школы и рабочие помещения... Немецкая концепция “образования” (*Bildung*) применялась в ее самом буквальном значении “формирования”. Согласно официальному заявлению политотдела, “мы – те, кто внедряет *Bildung*, и больше никто”» (цит. по: [Liulevicius, p. 122]). «Культурная программа района *Ober Ost*... определяет место и этническую сущность народов их функцией, тем самым фиксируя национальную идентичность... Немецкая национальная идентичность также была четко фиксирована и представлена, по сути, как основная» [Ibid., p. 143, 144]. Деятельность немецкой оккупационной администрации в западных приграничных районах Российской империи была одним из аспектов нового немецкого геополитического видения этого пространства как части Центральной Европы (*Mitteleuropa*), а Германии – как его доминирующего центра

[Naumann]. Местные активисты теперь старались приспособить свое видение будущего национальных проектов к новой геополитической реальности, воображая и описывая место своих национальных групп в Восточной Европе под главенством Германии⁹.

Политика по отношению к военнопленным была еще одним важным фактором в росте национализма на западных окраинах империи. Примерно 3,5 млн солдат царской армии были захвачены в плен¹⁰. Администрация лагерей военнопленных уделяла особое внимание солдатам с Украины, создав несколько специальных лагерей со значительно лучшими условиями, чем предполагала общая норма. Немецкие лагеря для украинских военнопленных были расположены в Раштатте и Зальцведеле, а австрийский лагерь – во Фрайштадте [АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 26]. В лагерях были размещены до 400 тыс. чел. Функционеры из украинских националистических организаций, прежде всего Союза освобождения Украины, проводили в лагерях пропагандистские мероприятия, преподавали украинский язык, готовили украинские издания. Примерно 40 тыс. военнопленных, откликнувшихся на пропагандистскую деятельность союза, были организованы в украинские формирования, имевшие специальную военную форму. В своем неопубликованном исследовании, основанном на архивах Союза освобождения Украины, Марк фон Хаген описывает среди прочего трудности, с которыми сталкивались администрация лагерей и активисты Союза, когда они пытались выделить украинцев среди общей массы военнопленных, из-за того, что термин «украинец» ничего не означал для подавляющего большинства этих людей.

Пропагандистская работа среди военнопленных также совершалась в России. В 1916 г. власти создали Особый политический отдел Министерства внутренних дел, целью которого было проведение пропаганды среди славянских военнопленных из австро-венгерской армии¹¹. Историк австрийской армии Иштван Деак подчеркивает важную роль лагерей для военнопленных в распаде Габсбургской империи [Deak]. Уже в конце 1916 г. политотдел начал уделять особое внимание украинским лагерям в Германии и Австро-Венгрии, правильно оценив уровень угрозы, которую они представляли для российской политики на западных окраинах империи. Существовала критическая разница между пропагандой в лагерях для военнопленных в России и украинских лагерях в Германии и Австрии: в России пропагандистские усилия были направлены на изменение политической лояльности заключенных, которые к тому времени имели развитую национальную идентичность (чешскую, словацкую и т. д.), а в ла-

⁹ Литовским политикам, например, вскоре пришла идея пригласить немецкого принца стать королем Литвы [Западные окраины, с. 415–416].

¹⁰ Данные, приведенные Н. Н. Головиным; другие исследователи приводят цифры от 2 до 3 млн [Головин; Россия в мировой войне].

¹¹ Подробнее об Особом политическом отделе Министерства внутренних дел см.: [Miller, 2003]; англ. перевод русскоязычного оригинала 2000 г. см.: [Miller, 2014].

герях для украинских заключенных пропаганда была сфокусирована на формировании одной определенной национальной идентичности.

В 1916 г. в Политотделе Министерства иностранных дел России обсуждалась возможность уступок украинскому движению с целью привлечь некоторых из ее лидеров на сторону России. Как только положение украинского движения на подконтрольных центральным державам территориях укрепилось, Петроград был вынужден признать этот фактор в собственной политике. Это привело к ряду символических уступок украинскому движению, с помощью которых власти стремились продемонстрировать свою готовность примириться с украинскими лидерами, остававшимися верными империи. Еще в начале августа 1915 г. термин «украинский» появился в первый раз в официальном контексте в телеграмме, отправленной от имени царя украинским активистам в Швейцарии, заявившим о своей поддержке России: «Sa Majeste m'a donne l'ordre de vous remercier ainsi que le groupe d'Ukrainiens reunis en Suisse pour les sentiments exprimes dans votre telegramme» («Его Величество приказали мне поблагодарить вас, а также украинцев, собравшихся в Швейцарии, за чувства, выраженные в вашей телеграмме») (Министр двора князь Фредерикс (телеграмма), 24 августа 1915 г.) [АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 27, 1.12]. В 1916 г. появились планы открыть две украинские гимназии и организовать визит наследника престола в случае новой оккупации. В проекте рекомендаций для политики в отношении униатской церкви, подготовленном Особым политотделом Министерства иностранных дел, была подчеркнута необходимость воздерживаться от каких-либо репрессивных мер [Miller, 2008]. Особый политотдел также подготовил списки украинских политиков, включая галицийских, которые могли бы принять прорусскую позицию, если бы они были убеждены, что только Россия может объединить все украинские земли. Поддержка центральными державами украинского национально-го движения, таким образом, принудила Петроград проявлять большую терпимость по отношению к движению. В такой тактике не было ничего нового: еще в 1840–1860-х гг. российские власти демонстрировали снисходительность к украинским националистам, чтобы те не переходили на сторону поляков [Miller, 2003].

В 1915–1916 гг. обозначился серьезный сдвиг в относительном весе движений в соперничестве между общерусским и украинским национальными проектами. Во время эвакуации Галичины более чем 100 тыс. местных жителей, сотрудничавших с русской администрацией или симпатизировавших России, присоединились к отступавшей русской армии¹². Вскоре большинству активистов из прорусских националистических организаций пришлось оставить оккупирован-

¹² Точные цифры неизвестны, но летом 1915 г. около 100 тыс. беженцев из Галиции были сосредоточены на Волыни. Сообщалось, что к осени 1915 г. 40 тыс. беженцев из Галиции находились в Курской губернии. В августе 1915 г. каждый день 3 тыс. русинов из Галиции прибывали на поезде в Киев [Кучера, с. 10–16; Сердюк, с. 111–132].

ную центральными державами часть западных окраин империи. Новые оккупационные власти разрушили организационную структуру русского националистического движения на этих территориях. В то же время Берлин и Вена выделили значительные административные и финансовые ресурсы на развитие организационной структуры украинского движения. Российские военные неудачи, отступление армии и меры, принятые немецкими и австрийскими оккупационными властями, подорвали престиж России в глазах неполиитизированной части местного населения, особенно крестьянства.

1917: крах имперского центра и национализация армии

После падения монархии в феврале 1917 г. у националистических проектов приграничья появились три новых мощных мобилизационных фактора. Во-первых, даже в это время монархия оставалась законным центром империи для значительной части традиционно мыслящего крестьянства, включая примерно 100 тыс. крестьян – членов Союза русского народа на Волыни. Этот привычный источник законности и лояльности теперь был утрачен. Во-вторых, слабое Временное правительство призывало к формированию новой сельской администрации, но не предлагало ни четких принципов организации, ни ясной позиции по поводу создания автономии и/или федерации. В то время как влияние русских националистов на окраинах империи было ослаблено, региональные субъекты получили новые возможности для политических действий.

Увеличение дезертирства и влияния большевиков в армии заставило верховное командование предложить ее национализацию. После приказа главнокомандующего генерала Л. Корнилова начались украинизация и белорусизация армейских частей. Корнилов надеялся, что это оградит армию от большевистского влияния и в то же время послужит в качестве контрмеры действиям центральных держав в украинском и белорусском вопросах. Разница между двумя процессами была в том, что украинские подразделения были созданы на территории Украины, тогда как белорусские появились прежде всего на Румынском фронте и на Балтийском флоте, где они были отрезаны от своей родины и, таким образом, лишены возможности играть такую же активную роль в региональном национальном проекте, какую сыграли украинизированные подразделения.

Павло Скоропадский, гетман Украины в 1918 г., но верный имперский генерал в 1917 г., вспоминал в 1919 г., как ему было поручена украинизация его корпуса:

Корнилову я ответил, что только что был в Киеве, где наблюдал украинских деятелей, и на меня они произвели впечатление скорее неблагоприятное, что корпус впоследствии может стать серьезной данной для развития украинства в нежелательном для России смысле... Легкомыс-

ленное же отношение Корнилова к этому вопросу показало мне его неосведомленность или непонимание.

Я старался обратить его внимание на серьезность вопроса, понимая, что к такому национальному чувству, какое было у украинцев, надо относиться с тактом и без эксплуатации его из-за его искренности [Скоропадский, с. 64]¹³.

Хотя Скоропадский был убежден, что настоятельной необходимости в украинизации армии летом 1917 г. не было, генерал дисциплинированно выполнил прямое указание Корнилова, став в результате гетманом Украины под германским протекторатом.

Создание национальных подразделений имело серьезные последствия для Украины, Белоруссии и Бессарабии, особенно после большевистского переворота. Период революционного кризиса превратил армию из сторонника старого режима в независимого актора. Во всех империях, переживающих кризис, армейское руководство использует свои подразделения – обычно последнюю оставшуюся организованную силу – чтобы удержать контроль хотя бы на ограниченной территории, как только они понимают, что старый режим уже не спасти¹⁴. Часто армия поддерживает при этом национальную идею. Это стало особенно важным после октября 1917 г., когда законная центральная власть империи была безвозвратно утрачена. Значительное количество русских националистов всех оттенков, сотрудничавших с правительством гетмана Скоропадского, является лучшим подтверждением этого наблюдения.

В 1918 г. многие отчаявшиеся русские антибольшевистского толка мечтали о немецкой оккупации Петрограда как о единственно возможном спасении. На такой шаг немцы не решились, хотя влиятельные военные чины, включая Людендорфа и начальника штаба территории *Ober Ost* генерал-майора Макса Гофмана, раздумывали о наступлении на Петроград, свержении большевиков и установлении в России консервативного прогерманского правительства. Им, тем не менее, удалось занять весь Донецкий бассейн и установить на этой территории украинскую власть [Корнилов].

В начале войны правительства воюющих сторон отказались от действовавших ранее ограничений. Макросистема континентальных импе-

---

¹³ Скоропадский вспоминал о своей молодости и семье: «Украина понималась как славное родное прошлое, но отнюдь не связывалась с настоящим, другими словами, никаких политических соображений, связанных с восстановлением Украины, не было. Моя вся семья была глубоко предана российским царям, но во всем подчеркивалось как-то, что мы не великороссы, а малороссы, а малороссы, как тогда говорилось, знатного происхождения» [Скоропадский, с. 387].

¹⁴ В своей книге об имперском приграничье Альфред Рибер описывает армию как «клей и растворитель» имперской системы [Rieber]. Я бы уточнил это определение так: армия не становится силой распада, «растворителем», пока есть надежда на сохранение порядка в имперском масштабе. Потеряв эту надежду, однако, армия берет на себя роль организатора нового режима в отдельных регионах распадающейся империи, часто пытаясь превратить их в национальные государства.

рий на востоке Европы долгое время оставалась внутренне стабильной, потому что империи не стремились уничтожить друг друга. Более того, империи были нужны друг другу, чтобы взаимно подтвердить наследование территорий после раздела Польши [Miller, 2006, p. 11–24]. Однако в течение войны, которая быстро превратилась в беспощадную битву, империи стали активно разыгрывать этническую карту против своих врагов. Они подогревали сепаратизм внутри вражеских государств и вводили репрессивные меры против нелояльных или подозреваемых в нелояльности этнических групп среди своих подданных. Эти факторы приобрели особый смысл на Украине и в Белоруссии в контексте борьбы между различными версиями идентичности и лояльности.

Новые крупные игроки – СССР и Польша

До 1918 г. главной задачей, стоявшей перед политическими активистами, действовавшими на окраинах страны, было выяснить, какая держава победит в войне. После событий октября 1917 г. активисты-националисты пытались вести переговоры с Германией о новом статусе своих национальных проектов в рамках немецкой гегемонии в Восточной Европе. Когда стало очевидным, что поражение Германии неизбежно, лидеры национальных движений быстро обратились к Антанте. В отличие от России и Германии, Антанта не могла напрямую контролировать страны Восточной Европы. Лидеры Антанты не спешили выполнять ожидания националистов: они рассчитывали на падение большевиков и восстановление России. Поэтому в 1918 г. мировая война на этих территориях постепенно трансформировалась в целую серию гражданских войн, различавшихся по своему классовому или этническому фокусу. Такая трансформация часто включала в себя конфликты между различными военизированными формированиями за территории, которые они считали своей законной этнической вотчиной (Львів/Lwów, Вильна/Wilno/Vilnius). То же самое верно и в отношении Киева, который во время Первой мировой войны и последовавших революционных войн 14 раз переходил из рук в руки. В 1918–1919 гг. город часто занимали различные украинские военачальники. История слабых и нестабильных украинских государств в западной и центральной частях страны (от гетманской державы Скоропадского и петлюровской директории Украинской Народной Республики) показывает, что мобилизационный потенциал и организационные возможности украинского национализма были довольно ограничены. Характерно, что Н. Махно смог завоевать значительную поддержку крестьянства, не используя украинский вопрос в качестве основной идеологической концепции. Эти особенности типичны для ситуации, в которой империя оставляет свои периферийные территории скорее в результате распада центра, чем в результате деятельности антиимперских движений. Мы знаем очень мало о развитии национального строительства на востоке и юге современной Украины – в районах Харькова, Донбасса и Новороссии – в рассматриваемый период.

После того, как в 1918 г. большевики получили контроль над Украиной, они установили режим террора против русских националистов¹⁵. Именно русский национализм и социальные силы, стоявшие за ним, большевики считали своим главным врагом до конца 1920-х гг. [Vujacic, p. 156–183]. Можно сказать, что общерусская версия национальной идентичности, которая являлась ключевым элементом русского национализма в имперский период, «осиротела» с падением Российской империи. Многие достижения политики русификации в приграничье были разрушены согласно новой советской идее регионализации этничностей и *коренизации* [Kaiser; Martin, 2001].

Русские сельскохозяйственные поселения во многих приграничных регионах Кавказа, в степных районах и в Центральной Азии были объявлены идеологически нецелесообразными, а многие поселенцы переехали обратно в Центральную Россию. Казаки, выполнявшие роль вооруженного авангарда поселенческого движения, были подвергнуты жестоким репрессиям как враги Советской власти (которыми большинство из них действительно являлись). Православная церковь и духовенство, также важнейшие составляющие российского присутствия в периферийных районах, на протяжении межвоенного периода стали объектом систематических репрессий на всей территории СССР. Большевики завершили разгром наследия имперской политики и довоенного русского национализма в западном приграничье, отказавшись от концепции триединого русского народа, который должен был включать великороссов, малороссов и белорусов. Перепись населения СССР 1926 г. сделала этноним «малоросс» незаконным, сохранив как термин для самоидентификации только «украинец» [Кадио]. Термины «русский» и «великорусский» стали синонимами. Большевики внедряли совершенно другой проект политической консолидации территории бывшей империи. Как квазинациональное государство Советская Украина получила «национальную территорию» вкуче с национальной идентичностью «советский украинец», а также инфраструктуру украинской национальной культуры.

Советско-польская война 1920 г. была борьбой за контроль над Восточной Европой между двумя новыми крупными игроками; в этом конфликте украинские силы играли строго подчиненную роль. Межвоенный период в истории региона мы можем охарактеризовать как своеобразную холодную войну, во время которой «прометейская акция» Пилсудского и советский принцип «украинского Пьемонта» воспринимали на Украину как объект в геостратегической борьбе [Martin, 2005]. Тем не менее, уже в 1939 г. борьба больших империй за контроль над Восточной Европой, в которой особое значение придавалось политике по отношению к Украине, возобновилась в полную силу [Grelka].

¹⁵ Все члены ККРН, которых большевики захватили в Киеве, были расстреляны.

Можно сказать, что в течение всего послевоенного периода холодной войны Украина была важной ее темой, а в постсоветский период интенсивность соперничества за Украину между Россией и Западом все время нарастала и сегодня стала одной из основных причин острого международного кризиса. Один из элементов этого кризиса – «войны памяти», которые, без сомнения, будут разворачиваться с нарастающей интенсивностью в ближайшие годы.

Список литературы

- АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 26; 27, 1.12.
- Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М. : АИРО-XX, 2000. 264 с.
- Ваврик В. Р.* Терезин и Талергоф : К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М. : СофтИздат, 2001. 145 с.
- Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне : в 2 т. Париж : Т-во объединенных издателей, 1939. Т. 1. 211 с. Т. 2. 242 с.
- Государственная дума. III созыв : стенограф. отчеты, 1909 г., сессия 3 : в 4 ч. СПб. : Гос. тип., 1910. Ч. 1. 3796 стб.
- Государственная дума. III созыв : стенограф. отчеты, 1910 г., сессия 4 : в 3 ч. СПб. : Гос. тип., 1910. Ч. 1. 3368 стб.
- Государственная дума. IV созыв : стенограф. отчеты, 1913–1914 гг., сессия 2 : в 5 ч. СПб. : Гос. тип., 1914. Ч. 1. 2096 стб.
- Западные окраины Российской империи / под ред. М. Д. Долбилова и А. И. Миллера. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 608 с.
- Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 336 с.
- Капелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / под ред. А. И. Миллера, В. Ф. Репринцева и Б. Н. Флори. М. : Языки рус. культуры, 1997. С. 125–144.
- Кириянов Ю. И.* Правые партии России, 1911–1917. М. : РОССПЭН, 2001. 446 с.
- Корнилов В.* Донецко-Криворожская республика : Расстрелянная мечта. Харьков : Фолио, 2011. 800 с.
- Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И.* «Малоросс» // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода : в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М. : Новое лит. обозрение, 2012. Т. 2. С. 392–443.
- Кучера І. В.* Добровільна і примусова міграція населення Східної Галичини в роки Першої світової війни // Гілея : Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки. Київ : НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2009. Вип. 19. С. 10–16.
- Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев : МАУП, 2007. 744 с.
- Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах) / под ред. В. П. Ефремова. М. : Центр. стат. упр. СССР, Воен.-стат. отд., 1925. 103 с.
- Савенко А. И.* Заметки : По поводу 100-летия со дня рождения Гоголя // Киевлянин. 1908. № 320. С. 2.
- Сердюк О. В.* Біженство в Україні під час Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. Київ : Інститут історії України, 2002. Вип. 4. С. 111–132.
- Скоропадський П.* Спогади : Кінець 1917 – грудень 1918 рр. Київ : Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 1995. 493 с.
- Степанов С. А.* Черная сотня в России: 1905–1914 гг. М. : ЭКСМО ; Яуза, 2005. 544 с.
- Струве П. Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм // Рус. мысль. 1912. № 1. С. 65–86.
- «Украинская» болезнь русской нации / ред. М. Б. Смолин. М. : Имперская традиция, 2004. 560 с.

- Украинский сепаратизм в России: идеология национального раскола / ред. М. Б. Смолин. М. : Москва, 1998. 431 с.
- Черная сотня : Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 640 с.
- Чикаленко Е. Щоденник : в 2 т. Київ : Темпора, 2004. Т. 1. 1907–1917. 426 с.
- Чикаленко Е., Стебницький П. Листування : 1901–1922 роки. Київ : Темпора, 2008. 628 с.
- Deak I. *Beyond Nationalism : A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918*. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1990. 314 p.
- Die Ukrainezwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft 1917–1922 / Hrsg. von W. Dornik, G. Kasianov, H. Leidinger, P. Lieb, A. Miller, B. Musial, V. Rasevyc. Graz : Leykam, 2011. 544 S.
- Gatrell P. *A Whole Empire Walking : Refugees in Russia during World War I*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1999. 317 p.
- Grelka F. *Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42*. Wiesbaden : Otto Harrasowitz Verlag, 2005. 507 S.
- Guthier S. L. *Ukrainian Cities during the Revolution and the Interwar Era // Rethinking Ukrainian History* / ed. by I. L. Rudnytsky, J.-P. Himka. Edmonton : Canadian Inst. of Ukrainian Studies, Univ. of Alberta, 1981. P. 156–179.
- Hagen M. von. *The Great War and the Mobilization of Ethnicity // Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building* / ed. by B. R. Rubin, J. L. Snyder. L. : Routledge, 1998. P. 34–57.
- Kaiser R. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton ; N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1994. 471 p.
- Liulevicius V. G. *War Land on the Eastern Front : Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. 309 p.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire : Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 2001. 528 p.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire; Timothy Snyder, Sketches from a Secret War : A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine*. N. Haven : Yale Univ. Press, 2005. 347 p.
- Miller A. I. *The Romanov Empire and Nationalism : Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest : CEU Press, 2008. 242 p.
- Miller A. I. *The Romanov Empire and the Russian Nation // Nationalizing Empires* / ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest : CEU Press, 2014. P. 309–368.
- Miller A. I. *The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*. Budapest : CEU Press, 2003. 295 p.
- Miller A. I. *The Value and the Limits of a Comparative Approach in the History of Contiguous Empires on the European Periphery // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / ed. by K. Matsuzato. Sapporo : Slavic Research Center at Hokkaido Univ., 2006. P. 11–24.
- Naumann F. *Mitteleuropa*. Berlin : Reimer, 1915. 324 p.
- Rieber A. J. *The Struggle for the Eurasian Borderlands : From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge Univ. Press, 2014. 648 p.
- Sanborn J. *Drafting the Nation : Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2002. 278 p.
- Sanborn J. *The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation : A Reexamination // Slavic Rev.* 2000. Vol. 59. № 2. P. 267–289.
- Seregny S. J. *Zemstvos, Peasants, and Citizenship : The Russian Adult Education Movement and the First World War // Slavic Rev.* 2000. Vol. 59. № 2. P. 290–315.
- Vujacic V. *Stalinism and Russian Nationalism : A Reconceptualization // Post-Soviet Affairs.* 2007. Vol. 23. № 2. P. 156–183.

References

- AVPRI [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 135. List 474. Dos. 26; 27, 1.12.
- Bakhturina, A. Yu. (2000). *Politika Rossijskoj imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoj vojny* [The Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Moscow, AIRO–XX. 264 p.

- Chikalenko, E. (2004). *Shodennik v 2 t.* [Diary. 2 Vols.]. Kiïv, Tempora. Vol. 1. 1907–1917. 426 p.
- Chikalenko, E., Stebnits'kii, P. (2008). *Listuvannya. 1901–1922 roki* [Correspondence. 1901–1922]. Kiïv, Tempora. 628 p.
- Deak, I. (1990). *Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918*. N. Y., Oxford Univ. Press. 314 p.
- Dolbilov, M. D., Miller, A. I. (Eds.). (2006). *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [The Western Borderland of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 608 p.
- Dornik, W., Kasianov, G., Leidinger, H., Lieb, P., Miller, A., Musial, B., Rasevyc V. (Hrsg.). (2011). *Die Ukraine zwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft 1917–1922*. Graz, Leykam. 544 S.
- Efremov, V. P. (Eds.). (1925). *Rossiya v mirovoi voine 1914–1918 (v tsifrakh)* [Russia in the World War of 1914–1918 (in Figures)]. Moscow, Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie SSSR, Voenno-statisticheskii otdel. 103 p.
- Gatrell, P. (1999). *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 317 p.
- Grelka, F. (2005). *Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42*. Wiesbaden, Otto Harrasowitz Verlag. 507 S.
- Golovin, N. N. (1939). *Voennye usiliya Rossii v mirovoi voine v 2 t.* [Russia's Military Efforts in the World War. 2 Vols.]. Paris, Tovarishchestvo ob"edinennykh izdatelei. Vol. 1. 211 p. Vol. 2. 242 p.
- Gosudarstvennaya дума. III sozyv. Stenograficheskie otchety, 1909, 3 sessiya v 4 ch.* [The State Duma. 3rd Convocation. Verbatim Records, 1909. Session 4. 4 Parts]. (1910). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 1. 3796 cols.
- Gosudarstvennaya дума. III sozyv. Stenograficheskie otchety, 1910, 4 sessiya v 3 ch.* [The State Duma. 3rd Convocation. Verbatim Records, 1910. Session 4. 3 Parts]. (1910). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 1. 3368 cols.
- Gosudarstvennaya дума. IV sozyv. Stenograficheskie otchety, 1913–1914, 2 sessiya v 5 ch.* [The State Duma. 4th Convocation. Verbatim Records, 1913–1914. Session 2. 5 Parts]. (1914). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Part 1. 2096 cols.
- Guthier, S. L. (1981). Ukrainian Cities during the Revolution and the Interwar Era. In *Rethinking Ukrainian History*. Edmonton, Canadian Inst. of Ukrainian Studies, Univ. of Alberta, pp. 156–179.
- Hagen, M. von. (1998). The Great War and the Mobilization of Ethnicity. In *Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building*. London: Routledge, pp. 34–57.
- Kadio, J. (2010). *Laboratoriya imperii: Rossiya / SSSR, 1860–1940* [Laboratory of the Empire: Russia / USSR, 1860–1940]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p.
- Kaiser, R. (1994). *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, N. Jersey, Princeton Univ. Press. 471 p.
- Kappeler, A. (1997). Mazepintsy, malorossy, khokhly: ukraintsy v etnicheskoi ierarkhii Rossiiskoi imperii [Mazepians, Little Russians, Ukrainians in the Ethnic Hierarchy of the Russian Empire]. In Miller, A. I., Reprintsev, V. F., Florya, B. N. (Eds.). *Rossiya – Ukraina: istoriya vzaimootnoshenii*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 125–144.
- Kir'yanov, Yu. I. (2001). *Pravye partii Rossii, 1911–1917* [Right-wing Parties of Russia, 1911–1917]. Moscow, ROSSPEN. 446 p.
- Kornilov, V. (2011). *Donetsko-Krivorozhskaya respublika: Rasstrelyannaya mechta* [Donetsk-Krivoi Rog Soviet Republic: The Shot Dream]. Khar'kov, Folio. 800 p.
- Kotenko, A. L., Martynyuk, O. V., Miller, A. I. (2012). „Maloross” [“Little Russian”]. In Miller, A. I., Sdvizhkov, D., Shirle, I. (Eds.). „Ponyatiya o Rossii”: k istoricheskoi semantike imperskogo perioda v 2 t. [“Concepts about Russia”: On the Historical Semantics of the Imperial Period. 2 Vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 2, pp. 392–443.
- Kuchera, I. V. (2009). Dobrovil'na i primusova migratsiya naseleण्या Skhidnoi Galichini v roki Pershoi svitovoi vijni [Voluntary and Forced Migration of the Population of Eastern Galicia during World War I]. In *Gileya. Istorichni nauki. Filosofs'ki nauki. Politichni nauki*. Kiïv, Natsional'nii pedagogichnii universitet imeni M. P. Dragomanova. Iss. 19, pp. 10–16.

- Liulevicius, V. G. (2000). *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 309 p.
- Martin, T. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 528 p.
- Martin, T. (2005). *The Affirmative Action Empire; Timothy Snyder, Sketches from a Secret War: A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine*. N. Haven, Yale Univ. Press. 347 p.
- Miller, A. I. (2003). *The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*. Budapest: CEU Press. 295 p.
- Miller, A. I. (2006). The Value and the Limits of a Comparative Approach in the History of Contiguous Empires on the European Periphery. In *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. Sapporo: Slavic Research Center at Hokkaido University, pp. 11–24.
- Miller, A. I. (2008). *The Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest, CEU Press. 242 p.
- Miller, A. I. (2014). The Romanov Empire and the Russian Nation. In Berger, S., Miller, A. (Eds.). *Nationalizing Empires*. Budapest, CEU Press, pp. 309–368.
- Naumann, F. (1915). *Mitteleuropa*. Berlin, Reimer. 324 p.
- Omel'yanchuk, I. V. (2007). *Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914)* [The Black-Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev, Mezhdregional'naya Akademiya upravleniya personalom. 744 p.
- Rieber, A. J. (2014). *The Struggle for the Eurasian Borderlands : From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge Univ. Press. 648 p.
- Sanborn, J. (2000). The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination. In *Slavic Rev.* Vol. 59. No. 2, pp. 267–289.
- Sanborn, J. (2002). *Drafting the Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 278 p.
- Savenko, A. I. (1908). Zametki. Po povodu 100-letiya so dnya rozhdeniya Gogolya [Notes: On Gogol's 100th Birthday]. In *Kievlyanin*. No. 320. P. 2.
- Serdyuk, O. V. (2002). Bizhenstvo v Ukraïni pid chas Pershoï svitovoi vïjni [Retirement in Ukraine during World War I]. In *Problemi istorii Ukraïni XIX – pochatku XX st.* Kiïv, Institut istorii Ukraïni. Iss. 4, pp. 111–132.
- Seregny, S. J. (2000). Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and the First World War. In *Slavic Rev.* Vol. 59. No. 2, pp. 290–315.
- Skoropads'kii, P. (1995). *Spogadi. Kinets' 1917–gruden' 1918 rr.* [Memoirs. Late 1917–December 1918]. Kiïv, Institut ukrains'koï arkhеоgrafii ta dzhereloznavstva imeni M. S. Grushevs'kogo NAN Ukrainy. 493 p.
- Smolin, M. B. (Eds.). (1998). *Ukrainskii separatizm v Rossii: ideologiya natsional'nogo raskola* [Ukrainian Separatism in Russia: The Ideology of the National Division]. Moscow, Moskva. 431 p.
- Smolin, M. B. (Eds.). (2004). „Ukrainskaya” bolezn' russkoi natsii [The “Ukrainian” Disease of the Russian Nation]. Moscow, Imperskaya traditsiya. 560 p.
- Stepanov, S. A. (2005). *Chernaya sotnya v Rossii: 1905–1914 gg.* [The Black Hundred in Russia: 1905–1914]. Moscow, EKSMO, Yauza. 544 p.
- Stepanov, A. D., Ivanov, A. A., Platonov, O. A. (Eds.). (2008). *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundreds. Historical Encyclopaedia 1900–1917]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. 640 p.
- Struve, P. B. (1912). Obscherusskaya kul'tura i ukrainskii partikulyarizm [All-Russian Culture and Ukrainian Particularism]. In *Russkaya mysl'*. No. 1, pp. 65–86.
- Vavrik, V. R. (2001). *Terezin i Talergof. K 50-letnei godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Thalerhof. For the 50th Anniversary of the Tragedy of the Galician-Russian People]. Moscow, Softlzdat. 145 p.
- Vujacic, V. (2007). Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization. In *Post-Soviet Affairs*. Vol. 23. No. 2, pp. 156–183.

The article was submitted on 25.02.2018

Translated by Anna Dergacheva